

Новые посетители, войдя в парк, увидели на площади толпу людей. Все шумели, и было непонятно, что происходит. Издалека казалось, что назревает какой-то конфликт: на лицах многих читался гнев, на других — недоверие.

Что случилось? Подгоняемые любопытством, новоприбывшие, получив в кассе билеты и телефоны, подошли ближе. Узнав, в чём дело, они тоже были потрясены.

Те, кто уже играл в школьный инстанс, немедленно открыли трансляцию. Те, кто был не в курсе, расспрашивали очевидцев, пытаясь разобраться в этой абсурдной и чудовищной истории.

— Что за мразь, отвратительно!

— Вызовите полицию! Чего стоите? Это же преступление!

— Где сотрудники парка? Почему никто не вмешивается? Просто смотрят?

— Да! Где все? Почему не появляются ни NPC, ни странности?

Пока зрители снаружи кипели от негодования, в инстансе Сяоань внезапно очнулась. Толпа вздохнула с облегчением: хорошо, что этот ублюдок не успел ничего сделать. Но как же жаль девочку, ей, должно быть, трудно это принять.

Сяоань в панике застегнула одежду и с ужасом посмотрела на Лян Цзинвэня.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Лян Цзинвэнь солгал, что проверял, не ранена ли она. Сяоань замотала головой.

— Я не верю, ты врешь! Ты... — она вдруг схватилась за голову и с отчаянием посмотрела на него. — Это был не первый раз! Ты каждый раз...

Она не договорила. Лян Цзинвэнь раздражённо потёр переносицу и пробормотал:

— Почему в этот раз так быстро? Какая неугомонная. Ладно, хорошая девочка, засыпай снова. Проснёшься и забудешь всё плохое.

Сяоань пыталась сопротивляться, срываясь на крик, обвиняя его в чудовищных деяниях. Лян Цзинвэнь не отрицал, лишь улыбался.

— Сяоань, я же твой отец. Что бы ты ни сказала, они тебе не поверят. В их глазах ты ведь не паинька.

Каждое его движение, каждый взгляд говорил о том, что ей не вырваться.

Видя, как девушка под действием гипноза со слезами на глазах закрывает глаза, люди на площади пришли в ярость.

— Чёрт, я больше не могу на это смотреть! Я войду в инстанс и прибью его!

— Боже, я не могу представить, какую боль испытывает эта девушка...

— Я уже вызвал полицию! Его место в тюрьме! Нет, в аду!

— Нет, не надо так быстро вызывать полицию. Когда эта тварь выйдет, мы все ему по разу врежем, а потом уже вызовем. А то ещё закон его защищать будет...

— Выведите девочку оттуда, ей сейчас нужно быть как можно дальше от этого ублюдка!

На площади стоял невообразимый шум. Юй Вану уже принесли закуски, но аппетит пропал. Он знал, что девушке нужна помощь, но не представлял всей глубины её страданий.

Не стоило советовать ей включать трансляцию.

Теперь она выставила все свои шрамы на всеобщее обозрение. Да, все увидели её боль, но и ей самой от этого было не легче.

Юй Ван поджал губы, встал и телепортировался в инстанс.

В дверь медпункта постучали.

Лян Цзинвэнь, убедившись, что Сяоань снова уснула, открыл. На пороге стоял молодой человек в плаще. Лян Цзинвэнь на мгновение растерялся, не успев даже спросить, кто это.

— Я получил жалобу на неподобающее поведение в медпункте. Это были вы? — спросил Юй Ван с улыбкой, в которой не было ни капли тепла.

Лян Цзинвэнь помнил правила этой странной школы и, конечно, не хотел умирать. Он всё отрицал, придумав на ходу историю о том, что пришёл с одноклассницей на перевязку, и попытался замять тему.

Молодой человек пристально посмотрел на него. Несмотря на безобидное лицо, Лян Цзинвэня охватил необъяснимый ужас. Словно со всех сторон на него смотрели какие-то твари, готовые в любой момент его сожрать.

Лян Цзинвэнь понимал, что его уловки действуют только на Сяоань. На кону стояла жизнь, и он не стал задерживаться. Сказав, что скоро начнётся урок, он поспешно скрылся.

Как только он ушёл, Сяоань открыла глаза. Трансляция прервалась.

На площади всё ещё стоял гул. Лян Цзинвэня никто не узнал, но игроки узнали вошедшего — это был сам директор парка. Наверное, он пришёл, чтобы вывести девушку из инстанса.

Сяоань села. В её глазах бушевала ненависть.

Юй Ван посмотрел на неё и всё понял.

— Хочешь продолжить?

Сяоань кивнула.

— Да! — Ей было плевать на нынешнюю боль. Она хотела лишь одного — его смерти.

— Но в лучшем случае его просто посадят в тюрьму. Он отсидит несколько лет и выйдет, — спокойно констатировал Юй Ван.

Закон мог защитить Сяоань на время, но само существование этого человека было для неё невыносимо.

Что с того, что его ждёт общественное порицание? Что с того, что он преступник? Пройдёт несколько лет, он переедет на другую планету, и кто о нём вспомнит? Он будет жить как ни в чём не бывало. И, возможно, даже продолжит преследовать Сяоань, мучая её морально.

Сяоань понимала это, и такой исход её не устраивал. Она до крови закусил губу. В её душе зародилось желание убить его собственными руками.

Пока она размышляла, перед ней появился человек с изящными, длинными пальцами. В его руках, словно из воздуха, возник контракт.

— Я могу помочь тебе, но ты должна будешь выполнить несколько условий.

Сяоань взяла бумагу и начала читать.

1. Сторона Б не имеет права разглашать содержание данной сделки.
2. Что бы ни случилось с целью в будущем, на вопросы посторонних Сторона Б не должна упоминать парк и Сторону А.
3. Ежедневно возноси молитвы. И помни: будь искренней.

Всего три пункта. Прочитав третий, Сяоань почувствовала, как её руки задрожали.

Это правда!

Её действительно услышали! Этот директор парка, он...

— Тсс! — Юй Ван приложил указательный палец левой руки к губам, подмигнул Сяоань и прошептал: — Об этом нельзя говорить.

Сердце Сяоань бешено колотилось. Она решительно кивнула и твёрдой рукой подписала контракт. Странное чувство. Когда последняя черта была проведена, она ощутила, будто на неё поставили лёгкое клеймо. Не больно, даже немного тепло.

Снаружи все ждали, что директор выведет девушку, но вместо этого трансляция возобновилась. Девушка не вышла!

Толпа зашумела, не понимая, почему её не вывели.

В инстансе первая половина дня пролетела быстро. В обеденный перерыв ученики разошлись по общежитиям.

Сяоань и Лулу жили в одной комнате. Не успели зрители остыть от гнева на отца-изверга, как в трансляции произошла новая шокирующая сцена.

Лулу, дождавшись, пока Сяоань уснёт, осторожно оттянула воротник её блузки. Увидев следы, она скривилась от зависти и ненависти. Она не стала будить подругу, не спросила, что случилось. Вместо этого она достала телефон, сфотографировала и тут же отправила снимок в общий чат.

Одноклассники в инстансе взорвались, а те, кто уже выбыл, покраснели от стыда. Теперь они поняли, откуда взялись те фотографии, что гуляли по школе. И они, безмозглые, ещё и травили Сяоань вместе со всеми.

Лулу, изображая гнев и беспокойство, спрашивала в чате, кто обидел Лян Сяоань, но, казалось, она прекрасно знала ответ. Она не помогла подруге, а наоборот, столкнула её в ещё более глубокую пропасть.

Сяоань хотелось смеяться. Вот она, её лучшая подруга.

Цель была достигнута, и продолжать игру Сяоань не собиралась. Когда в общезитии возникла опасная ситуация и Лулу без колебаний толкнула её навстречу опасности, она не стала сопротивляться и позволила странности утащить себя.

На этом трансляция закончилась.

Но история — нет.

Трансляции парка можно было смотреть только на его территории. Запись на камеру получалась размытой — игроки думали, что это сделано для защиты от пиратства. Поэтому видео с трансляции Сяоань не попало в Старнет.

Прибыла полиция. Как только Лян Цзинвэнь и Лулу вышли из инстанса, их тут же задержали.

У других игроков не было записи, но у Юй Вана, как у владельца парка, она была. И на ней не было ни размытых лиц, ни искажённых голосов. Всё было предельно ясно.

Это было неопровержимое доказательство.

Увидев запись, Лян Цзинвэнь побледнел. Он хотел было потребовать адвоката, подать в суд на парк и всё отрицать. Но слова, слетавшие с его губ, ему не принадлежали.

Он слышал, как признаётся во всех своих преступлениях. И не просто признаётся, а делает это с вызывающей дерзостью, угрожая, что, выйдя на свободу, он расправится со всеми причастными.

Когда он опомнился и попытался что-то сказать, его рот уже был зажат парой чёрных, иссохших рук-странностей.

Он был в ужасе, но полицейские, смотревшие на него с гневом, не замечали ничего странного.

То же самое произошло и с Лулу. Все её интриги были раскрыты. Она хотела было разыграть из себя жертву, сказать, что Лян Цзинвэнь соблазнил и одурманил её, но, открыв рот, выложила всё как на духу.

Когда она говорила о Сяоань, её лицо искажалось от зависти и ненависти. Приехавшие по вызову мать и отчим смотрели на неё как на чудовище. Лулу почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Рядом стояли не только родители, но и учителя, и одноклассники.

Конец. Ей конец.

Самое ужасное было то, что с тех пор каждое произнесённое ею слово было её истинной мыслью. Ей оставалось лишь молчать, не имея возможности защититься от обвинений и презрения, точно так же, как когда-то Сяоань.

Эта история наделала много шума на планете Хуабэй. Полицию больше всего удивляло то, как легко такой человек, как Лян Цзинвэнь, во всём сознался. И не просто сознался, а вёл себя в тюрьме крайне вызывающе, провоцируя всех — и охранников, и сокамерников. В результате его каждый день избивали до полусмерти.

После почти девяти месяцев мучений он скончался от тяжёлых травм.

Лян Цзинвэнь был полон обиды, но в то же время чувствовал облегчение. Наконец-то всё закончилось.

Однако вскоре он понял главное: если он умер, то где он сейчас?

Странность-вселенец привела богатого старого хрыча в особый инстанс и, указав на Лян Цзинвэня, который почему-то превратился в школьницу, сказала:

— Гость, вот ваше первое блюдо. Приятного аппетита.

Лян Цзинвэня охватил леденящий ужас. Он наконец понял, что смерть — это лишь начало нового ада.

Конечно, это всё было потом.

А сейчас Юй Ван только что вернулся из полицейского участка. Он отправил двух свободных странностей «помочь» этой парочке с признаниями и получил за это 200 очков веры.

Как-никак, его первая верующая. Он не мог её разочаровать.

Так, надо подумать, какую участь уготовить этому отбросу.

Хм, может, пусть его побольше бьют?

Мало. Это всего лишь физическая боль. Разве она может сравниться с душевными муками?

Надо подумать ещё...

Есть! Юй Ван безобидно улыбнулся. Для злодея нужен другой злодей. Раз уж они любят издеваться над слабыми, пусть он сам станет слабым и насладится всеми прелестями унижения.

Ад? Конечно, у него здесь ад. По всем канонам, эту тварь следовало бы раздеть догола и жарить в кипящем масле до полного уничтожения души.

Но все знают, он добрый, не может смотреть на такие ужасы. Так что обойдёмся без жарки. Пусть его просто доводят до тех пор, пока его душа не рассыплется в прах.

Ах, сегодня я снова так растроган собственной добротой, что готов расплакаться.

Система: ...

Честно говоря, она уже начала забывать значение этих слов.

<http://bllate.org/book/15885/1588862>